

ГЛАВА 30. СНЕЖНЫЙ ЗАСЛОН

Зимняя ночь, мрачная и холодная, отражалась призрачным серебром в пелене бесконечного снегопада. В ярко освещенном зале заседаний повисла тяжелая, леденящая тишина. Люй Цэчжи застыл у окна, невидящим взором провожая снежные хлопья, а мысли его уносились назад — к тому самому дню два месяца назад, когда он впервые встретил Шэ Иня.

Погоня казалась бесконечной. Стоило заполучить редчайшее сокровище — тысячелетний кровавый женьшень, — как жизнь превратилась в череду кровавых стычек. У него не оставалось ни времени, ни терпения на этих стервятников: жизнь отца висела на волоске. И тогда, спасаясь от безумного преследования Пятерых свирепых из Мойбэй, он рискнул ступить на Снежный хребет Полярного предела. Сквозь гиблое место, откуда редко возвращались живыми, вела единственная кратчайшая тропа, позволявшая сбросить со хвоста жадных до наживы врагов.

Три дня изнурительного пути по снежной пустыне, где жизнь и смерть разделяло мгновение. Он верил, что упорство поможет спастись, но на четвертый день удача отвернулась: внезапная буря преградила им путь. Голодные, измотанные небывалым бураном, они уже не чаяли выбраться живыми, когда в заброшенной охотничьей хижине встретили Иня. В этих необитаемых краях, в самом сердце ледяной пустоши, вопреки всякой логике жил человек!

Впервые увидев его, Цэчжи почувствовал исходящее от незнакомца одиночество, острое и колющее. В чистых, прозрачных глазах Шэ Иня читалась насмешка — взгляд человека, пресытившегося миром. В нем жили мятеж и безразличие, и в то же время в этой глубине хотелось утонуть. Инь явно не обрадовался незваным гостям, но по-светски скрыл недовольство за маской веселости и дурачества.

Тогда Цэчжи не мог не обратить на него внимания. Ему нестерпимо захотелось разгадать тайну этого отшельника — человека, который явно боялся одиночества, но по какой-то неведомой причине бежал от мира. Сердце предательски ныло, а в голове сама собой крепла мысль: я заберу его с собой.

Ему хотелось стереть эту выстраданную обреченность, развеять притворное равнодушие. Напускное «мне всё равно» вызывало лишь острое желание защитить, обогреть, изменить его судьбу. И когда из-за оплошности Цэчжи Инь оказался парализован и провел полчаса на лютом морозе, решение стало окончательным. Что бы ни случилось, он спустит Иня с гор. Этому одинокому созданию слишком сильно нужна забота.

Позже, когда к замерзшему Иню вернулось тепло, он произнес фразу, заставившую Люй Цэчжи горько усмехнуться:

— В следующий раз... убейте меня, но... больше... никакой... благотворительности...

Сказав это, Инь потерял сознание. Жар был пугающим. Цэчжи боялся, что погубил его, но именно в этом беспомоществе Инь отбросил все защиты. Он прижался к его груди, плача как

ребенок и умоляя вернуть его домой. В густом, внезапно разлившемся аромате орхидей Цэчжи слушал его сбивчивые рыдания и осознал простую истину: Инь тоскует по теплу, которое когда-то знал и которого лишился навсегда.

Он не знал, что именно сделало жизнь Иня столь мучительной, но видел его отчаяние. И в тот день, когда небо прояснилось, он силой увел его за собой. Этот гордый юноша привык прятать хрупкую душу за броней силы. Если бы Цэчжи не видел его больным, он никогда не осмелился бы провозгласить себя его хранителем. Он был твердо намерен привезти его на хребет Паньлун, к своей матери... Госпожа Люй была той еще смутьянкой, порой доводящей до бешенства, но в ней была та самая искра домашнего очага, которой так жаждал Инь.

Это тепло должно было исцелить его.

Но в своем стремлении Цэчжи забыл, какую опасность влечет его собственное имя. Когда Пятеро свирепых из Мойбэй вновь выследили их, он осознал, в какую ловушку загнал Иня своей импульсивностью. Последовали дни погонь и сражений. Инь делил с ними все тяготы, жаловался на судьбу, проклинал опасную жизнь, но ни разу не заикнулся о том, чтобы уйти.

Цэчжи верил: Инь тоже не хочет его отпускать. В глазах юноши всё чаще вспыхивала радость жизни, и Люй понимал, что поступил верно. Там, на Снежном хребте, Инь просто доживал свой век, а здесь — наконец начал чувствовать себя живым. В глубине его взора, где раньше царило одиночество, теперь отчетливо читался образ самого Цэчжи.

Люй осознал, что пропал. Он утонул в глазах Иня, полюбил его редкую улыбку. Рядом с ним даже схватка за жизнь казалась осмысленной. Оглядываясь в пылу боя и встречая его взгляд, полный жизни и надежды, он чувствовал, как сердце наполняется теплом.

Именно Инь давал ему силы прорываться сквозь любые преграды.

Поэтому, зная, что впереди лишь тернии, он эгоистично не хотел разжимать ладоней. Никакие препятствия не могли поколебать его решимость. Впервые в жизни он захотел быть безрассудным. Захотел удержать ускользающего Иня и не отпускать до конца дней, и пусть весь мир ополчится на них — он не сдастся.

Пусть его имя будет опозорено, пусть его проклинают тысячи — ему было всё равно. Он любил Иня, который перестал быть одиноким и доверился ему. Это казалось столь правильным, что не требовало оправданий. Без Иня жизнь теряла всякий смысл. Без него он стал бы лишь дышащим изваянием, безжизненным куском глины.

Потому он привязал Иня к себе, жадно впитывая его тепло и наслаждаясь его доверием. Но в глубине души Цэчжи понимал: на самом деле это он сам до безумия зависит от Иня.

Они наконец достигли земель, подвластных северным провинциям. Не желая больше подвергать Иня тяготам пути, он оставил его на постоялом дворе «Управление ветром» для

восстановления сил. Слабость Иня была его вечной виной и болью. Но он и представить не мог, что Шэ Иня похитит Монах-демон Юаньму! На его собственной территории Иня забрали прямо у него под носом.

По его недосмотру Инь снова пострадал, и на этот раз Цэчжи сам стал причиной его мучений — та проклятая пилюля страстей истощила силы юноши до предела. Снова наступило тяжелое забытие, терзающее сердце.

Дел было невпроворот, и, зная, что так быть не должно, он всё же оставил Иня одного, надеясь, что тот отдохнет. Но он забыл урок Монаха-демона. Вернувшись с надеждой, он не нашел и тени любимого человека. Оказалось, Хань И, которого он всегда уважал, воспользовался моментом, чтобы выгнать Иня. Он решил принести его в жертву приличиям, обвинив в их «порочной» связи его одного.

Какая несправедливость!

— Это моя ошибка. Не стоило уводить его с гор, — тихо вздохнул он. Голос звучал надломленно и пусто.

— Молодой глава! — Ши Юй пораженно нахмурился. Преклонившие колени Хань И и Цянь Идо испуганно переглянулись. Смиренный тон Люй Цэчжи не принес им облегчения — напротив, в зале словно повеяло могильным холодом.

Этот юный предводитель, уже добившийся невероятных успехов, не впал в ярость из-за их самоуправства, но его ледяное спокойствие пугало больше любого гнева. Будущий глава Общества Парящего Дракона унаследовал величие своего отца — ту самую неоспоримую власть, перед которой невольно трепещешь. Он не кричал, но его обида и разочарование заполнили каждый дюйм пространства. Это безмолвное осуждение давило на плечи невыносимым грузом. В огромном зале, где собралось не меньше двадцати человек, воцарилась мертвая тишина.

— Мне не следовало заставлять его. Не стоило из жалости втягивать в эту резню. Для Иня это слишком несправедливо, — Люй Цэчжи не оборачивался. Его слова, брошенные в холодную зимнюю ночь за окном, казались бесстрастными и жестокими.

— Молодой глава... — два руководителя филиалов содрогнулись. Впервые они осознали, как жестоко ошиблись. Всё оказалось куда сложнее, чем они думали. Тайна, о которой братья Ши предпочли умолчать, была пугающей. А они, ничего не зная, решили, что, прогнав Шэ Иня, вернут себе прежнего идеального наследника. Как же они просчитались!

— Я не должен был позволять ему привыкать ко мне. Не должен был позволять ему любить меня... Я знал, что Снежный хребет — единственное место, где он мог быть счастливым в своем покое, но эгоистично привязал его к себе. Я сам затащил его в этот ад, а расплачиваться заставил его.

Цэчжи обернулся. Его пустой, холодный взгляд остановился на главах филиалов.

— Встаньте.

Молчание. Им и в голову не могло прийти, что зачинщиком всего был их безупречный молодой господин. Они полагали, что это Шэ Инь, пользуясь своей хрупкой красотой, бесстыдно совратил их светлую надежду. Выгоняя его, они не чувствовали вины. Но кто же знал, что в пучину запретной страсти первым прыгнул именно Люй Цэчжи?

— Раны Иня еще не затянулись. В его состоянии даже полдня в дороге — это приговор. Особенно сейчас, когда кругом враги. Вы не должны были забывать: Инь стал мишенью Нового Альянса только из-за меня. Кем бы ни был этот человек, Общество Парящего Дракона не имело права бросать его на растерзание, нарушая все законы чести... Тем более Иня, который из-за меня лишился всего, но ни разу не упрекнул вас.

Каждое слово, произнесенное ледяным тоном, било сильнее любого крика.

Главы филиалов обливались холодным потом. О боги, они натворили дел! В погоне за чистотой репутации они забыли об опасности. В списке смертников Нового Альянса имя Шэ Иня стояло в первых рядах. Пока за его спиной стоял молодой глава Люй, враги не смели напасть. Но теперь, израненный, слабый, оставшийся один... Для этих волков он — легкая добыча. С его навыками, которых едва хватало на самооборону, он не продержится и часа против настоящего мастера.

— Готовьтесь забирать его труп! — Юйчи Му отбросил вечную улыбку. Его детское лицо застыло в гневной гримасе. Он яростно смотрел на подчиненных Общества, позволивших Шэ Иню уйти в этот кровавый мир. Впервые ученик Мастера шахмат Увэй проявил свою истинную, пугающую сущность. Его холодная ярость ничуть не уступала ауре Люй Цэчжи.

Старые волки почуяли неладное. Если они не найдут Шэ Иня в ближайшее время, им лучше самим свести счеты с жизнью. Смерть не страшна, но стать причиной гибели невинного из-за собственного предубеждения — позор, который не смыть и вечностью.

— Му-эр, не хорони его раньше времени. Инь не так прост, — Фэн Ляньчэнь мягко коснулся плеча Юйчи Му, но тот лишь неприязненно дернул плечом и шагнул к Люй Цэчжи:

— Если с Инь-эр что-то случится, я лично тебя прикончу!

— Инь принадлежит мне. Если его не станет, мне незачем жить, — бесстрастно отозвался Цэчжи.

В этот момент в зал вбежал соглядатай. Люй Цэчжи заметно напрягся.

— Нашли?!

— Докладываю молодому главе! Господин Шэ на закате был замечен в шестидесяти ли к востоку, в поместье Цзинчэнь, но... — шпион в ужасе склонил голову. Атмосфера в зале была такой тяжелой, что у него подкашивались ноги. Его новости не сулили ничего хорошего.

— С ним что-то случилось? Говори прямо. Всё и сразу.

Голос Цэчжи оставался ровным, но взгляд был невыносим. Вокруг Люй Цэчжи, казалось, плясало призрачное синее пламя — холодный, мрачный гнев преисподней. Это была тихая ярость, пугающая своей глубиной.

Свидетели этой сцены еще долгие годы будут содрогаться при одном воспоминании о ней. Впервые они видели, как их сдержанный господин теряет самообладание, обнажая властную, сокрушительную ярость.

— На господина Шэ напали Люхэ-гуй... но их одолел какой-то незнакомец. Он забрал господина Шэ с собой. Местонахождение неизвестно.

Шпион смахнул пот. Он был в ужасе. Никогда еще молодой глава не выглядел столь потерянным и одновременно опасным.

— Его похитили... — Цэчжи в ярости ударил кулаком в стену. Камень покрылся сетью трещин, но Люй не почувствовал боли. Единственная боль, которую он ощущал, терзала его сердце, лишившееся всякой опоры.

— Молодой глава... не терзайте себя так... — Ши Юй с тревогой посмотрел на него, не зная, как утешить. Этот Люй Цэчжи был чужим — холодным, жестким, словно в одно мгновение лишившимся души.

— Кто это был?! — вскочил Юйчи Му.

— Э-э... человек незнакомый. Говорят, невероятно красивый мужчина, но с глубоким шрамом на левой щеке... — соглядатай указал на свое лицо.

— Невероятно красивый... со шрамом? — Юйчи Му внезапно выдохнул и бессильно опустился в кресло. — Слава богу, не он... — пробормотал он под нос. — Но кто же тогда?

— А Пятнистая лошадь? — Люй Цэчжи вспомнил о верном спутнике Иня. — Ее нашли?

Пятнистая лошадь не раз выручала хозяина в критические моменты. По его следу найти Иня было бы проще всего.

— Пятнистая лошадь... её увела какая-то таинственная женщина, — пробормотал шпион, понимая, насколько безнадежно это звучит.

— Увела? Пятнистая лошадь никогда бы не пошла с чужаком... — сердце Цэчжи забилося в тревоге. Что это значит — спасение или новая беда? Мысли путались, почва уходила из-под ног.

— Молодой глава, с Инем всё будет хорошо. Он везучий, — мягкий голос Фэн Ляньчэня немного разрядил обстановку. Принц Фэн вовремя вмешался, не давая двум мастерам окончательно потерять контроль.

Тяжело вздохнув, Цэчжи повернулся к Юйчи Му:

— Мастер шахмат уже прибыл на хребет Паньлун?

Юйчи Му рассеянно кивнул, лихорадочно перебирая в уме всех известных красавцев со шрамами. Кто в поднебесной подходит под это описание?

— Хорошо. Отправьте отцу письмо. Напишите: пока я не найду Иня, я не вернусь. И поднимите всех людей. Нам нужно прочесать каждый вершок. Мы должны спасти его... прежде чем случится непоправимое!

Это было безрассудно... но что еще ему оставалось?

— Слушаемся! — на этот раз возражений не последовало. Все понимали, что на этот раз именно их действия подтолкнули Шэ Иня к краю бездны. В глубине души каждый молил об одном: только бы Шэ Инь остался жив.

«Я верну тебя. Чего бы мне это ни стоило, Инь!»

За окном всё так же кружился снег, и в холодном воздухе едва уловимо пахнуло сливой — тонкий, изящный аромат, так напомнивший ему запах орхидей.

Где же ты сейчас, Инь?..

<http://bllate.org/book/17512/1659858>